

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 35.

6 СЕНТЯБРЯ 1859.

Выходятъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
погородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Приимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свишкова.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всѣми приложеніями.
Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Кятнера, кв. № 23.

**Въ № 35-му прилагается: «Скерцо»,
соч. Мендельсона Бартольди.**

Содержаніе: ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОНИСЬ (М. Раппапорта).—Вѣсти
отвсюду. — Воспоминанія музыканта Адольфа Адама (окоп-
чаніе).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОНИСЬ.

Новая Катарина.—Дебютъ г-жи Голландъ.—Г-жа Розатти.—Г. Ст. Леонъ и его
открытіе.—Г. Фабрика.—Г-жи Гассати и Луцъ.—Дебютъ г-на Рековского.—Г-да
Милославскій и Кшесинскій.—Несчастный случай съ г-жою Зинною Ринарди.

Балетныя представленія открылись въ прошедшее воскресенье балетомъ, «Катарина»,—очаровательная наша г-жа Петтипа въ первый разъ явилась въ главной роли и мы обрадовались, что танцовщицы наши начинаютъ наконецъ испытывать свои силы въ полномъ балетѣ, т. е. начали создавать роли, а не ограничиваются исполненіемъ однихъ на, вставляемыхъ въ балеты. Г-жа Петтипа имѣла успѣхъ и успѣхъ этотъ вполне заслуженъ ею;—въ мѣстахъ, гдѣ на первомъ планѣ—грація и въ танцахъ характерныхъ она была увлекательно-хороша. Серьезная сторона роли и варіаціи, требующія усиленнаго темпа, конечно, мѣстами оставляли еще кое чего желать, въ трудныхъ на мѣстахъ не доставало силы; но во всякомъ искусствѣ соединеніе двухъ качествъ въ равной степени почти невозможно, нельзя требовать соединенія въ высокой степени граціозности, силы въ ногахъ и необыкновенной ловкости. Г-жа Петтипа замѣтно трудилась надъ своей ролью и сдѣлала больше, чѣмъ на первый разъ отъ нея можно было ожидать, въ особенности, имѣя въ виду, что роль Катарины одна изъ труднѣйшихъ и исполняема была на нашей сценѣ знаменитостями. Вообще г-жа Петтипа про-
№ 35.

извела на насъ самое пріятное впечатлѣніе, а публика шумными рукоплесканіями благодарила свою любимицу за доставленное ей удовольствіе. Затѣмъ прошедшая недѣля не ознаменовалась въ нашемъ театральномъ мірѣ ничѣмъ новымъ. На Большомъ Театрѣ все еще продолжаются приготовленія къ новому балету и дебютамъ Италіанцевъ *). На Александринскомъ Театрѣ давали «Жидовку» и «Кошечу» (г. Мартыновъ). Французскіе спектакли еще не открылись, но, вѣроятно, то же на этихъ дняхъ начнутся. Въ Русской Оперѣ ожидается новый дебютъ; слышно, что г-жа Голландъ, дочь главнаго режиссера нѣмецкой труппы, явится скоро въ «Мартѣ»; повидка интересная, ждемъ съ нетерпѣніемъ дебюта. Русская Опера не богата пѣвицами и всякое новое пріобрѣтеніе составляетъ большой интересъ. Между любителями хореографическаго искусства много толковъ о г-жѣ Розатти и г-нѣ Ст. Леонѣ. Кто ждетъ съ нетерпѣніемъ появленія любимицы парижской публики, кто поговариваетъ о волшебной скрипкѣ Ст. Леона. Нѣтъ сомнѣнія, что оба явленія весьма интересны: Ст. Леонъ знаменитъ какъ танцоръ, хореографъ и виртуозъ и соединеніе столькихъ талантовъ, конечно, составляетъ рѣдкое явленіе въ артистическомъ мірѣ; познакомиться съ такимъ артистомъ весьма интересно.

Г. Ст. Леонъ открылъ новый способъ игры на скрипкѣ, посредствомъ котораго распространилъ область звуковъ, издаваемыхъ этимъ инструментомъ. Объ этомъ открытіи сообщаютъ слѣдующее въ С. П. вѣдомостяхъ: случайное замѣчаніе, подтвержденное многочисленными опытами, довело до этого чрезвычайно любопытнаго открытія; оно заключается въ сурдинѣ, названной Ст. Леономъ «Sourdine orgue». Если вставить эту сурдину въ извѣстное мѣсто отвѣтія S резо-

*) Въ пятницу послѣдовало открытіе Италіанской Оперы. Г-жа Нанте-Диль дебютировала въ «Маріи дѣ Роанъ» и имѣла громадный успѣхъ. Подробности въ слѣдующемъ №-рѣ.

нансовой доски инструмента, ближайшего въ струнѣ g, что должно сдѣлать весьма быстро, то будутъ слышны. 1) въ гаммѣ струнъ g и d вмѣстѣ съ тѣмъ нижнія октавы ихъ, 2) двойныя ноты на струнахъ g и d исполняются созвучіемъ натуральной третьей ноты аккорда, равномерно внизу; въ некоторыхъ случаяхъ присоединяется даже къ этому удвоенный четвертый тонъ аккорда. Это созвучіе въ нижнемъ регистрѣ отнюдь не слабо (какъ оно, обыкновенно, при двойныхъ нотахъ слышно для тонкаго слуха), но совершенно ясно; объемомъ звука оно почти равняется звукамъ, производимымъ самымъ смычкомъ; недостаетъ только одного болѣе рѣзкаго акцента звука, происходящаго отъ наложенія смычка и свойства тона, производимаго единственно внутреннею вибраціею инструмента. Хорошій тонъ и сила созвучій зависятъ весьма много отъ качества инструмента. Укажемъ здѣсь, сколько это возможно, безъ потныхъ знаковъ, главнѣйшія изъ этихъ двойныхъ нотъ, начиная отъ самаго низкаго регистра и возвышаясь, съ звучащими вмѣстѣ съ ними нотами: знаку = слѣдуетъ нота, звучащая вмѣстѣ, какъ результатъ сурдинны, ближайшая того же имени къ данному регистру: GE=C; ASF=Des; Afis=D; DA = D; FA=C, также CA; EB=C, DH=G; GH=D; Ges B=Des; EC=G; E Cis=A, FD'=B; также и BF; GE=G; AF=A и т. д. Болѣе спеціальныя дополнительныя замѣчанія должно предоставить самому г. Ст. Леону; здѣсь мы хотѣли только изложить истину фактическаго явленія, которое для солистовъ заслуживаетъ большаго вниманія; нерѣшено еще, можетъ ли это открытіе быть примѣнено къ оркестровкѣ; это разрѣшится далѣйшими изысканіями и опытами. Неутомимость г-на Ст. Леона въ трудѣ заставляетъ предполагать, что въ этомъ любопытномъ вопросѣ можно надѣяться достигнуть удовлетворительнаго результата.»

Не многія танцовщицы произвели столько шума, сколько г-жа Розатти, которая говоритъ, воплощенная грація и вообще представительница хореографическаго искусства въ его высокомъ значеніи. Она танцовщица-актриса и несравненною своею миимикою и игрою замѣняетъ рѣчь; въ танцахъ г-жи Розатти не слѣдуетъ искать особеннаго механизма, или какихъ-либо *tours de force*, это артистка, всей душой преданная пластической сторонѣ искусства. Такъ говорятъ объ ней журналы и тѣ, которые ее видѣли въ Парижѣ или Лондонѣ; мы надѣемся, что г-жа Розатти вполне оправдаетъ и у насъ громадную свою извѣстность и послѣ дебюта ея передадимъ вамъ собственныя впечатлѣнія. Артистическая карьера г-жи Розатти весьма блистательна: она явилась на сценѣ Миланскаго Театра, въ то время, когда ее оставила Фанни Эльслеръ и, несмотря на то, имѣла громадный успѣхъ. Она дебютировала въ «Фаустѣ» и «Волшебной лампадѣ» (въ 1844 г.). Слава ея росла постепенно, она исполнила много ролей Эльслеръ, въ томъ числѣ Эсмеральду и Гентекую красавицу, и прослыла въ Италіи преемницей знаменитой танцовщицы. По обыкновенію Лондонъ и Парижъ отбили у Италійцевъ новую хореографическую звѣзду и съ тѣхъ поръ г-жа Розатти, попеременно являясь то на парижской, то на лондонской сценѣ, приобрѣла ту громкую извѣстность, которая предшествовала ея пріѣзду къ намъ. Въ Лондонѣ она танцевала въ одно время съ Гризи, Черритто и Лусиль Гранъ и была имъ опасною соперницею. Лучшія ея роли были въ балетахъ (Талонн: Теа, Фюрита, Стихинъ (въ этомъ балетѣ принимали участіе Гризи и Черритто), Зелія (соч. Госселена), первая танцовщица и др. Въ Парижѣ она созда-

ла роли въ балетахъ Мазильо: «Жовита», «Фонти», «Корсаръ» и «Марко Спада». Съ каждою новою ролью росла къ ней любовь публики и въ Парижѣ рѣшительно говорятъ объ ней, какъ объ своей любимицѣ. Какъ слышно дебютъ г-жи Розатти въ четвергъ, — ждемъ его съ нетерпѣніемъ. Объ Италійскихъ нашихъ гостяхъ мы уже говорили. Въ настоящее время вся труппа здѣсь, и дебюты начинались. Кетати сообщимъ, что съ г-жей Берпарди пріѣхалъ и мужъ ея г-нъ Фабрика, капельмейстеръ туринской оперы и, какъ увѣряютъ, отличный учитель пѣнія. Г-нъ Фабрика свободенъ въ нынѣшнемъ сезонѣ и останется у насъ всю зиму; онъ же аеть въ это время заняться преподаваніемъ уроковъ пѣнія, о чемъ и спѣшимъ сообщить нашимъ любителямъ и любителямъ *). — Мы говорили уже, что и для нѣмецкой труппы ангажированы новыя сюжеты. Въ числѣ ихъ находятся г-жи Гассати и Лундъ, ангажированныя на драматическія роли, первая преимущественно для классическихъ произведеній. Обѣ артистки еще недавно начали свою карьеру, но германскіе журналы говорятъ объ нихъ съ похвалами. Г-жа Гассати пріѣхала къ намъ изъ Гамбурга, гдѣ имѣла большой успѣхъ въ трагедіи «Марія Стюартъ». Хвалятъ ея прекрасную дикцію, пониманіе и увлеченіе, съ какими она исполняетъ эту трудную роль, притомъ, тоже говорятъ о прекрасной и величественной паружности г-жи Гассати. И у насъ она, говорятъ, будетъ дебютировать въ той же трагедіи — интересно! Г-жа Лундъ играла въ послѣднее время на бреславльской сценѣ. И объ ея талантѣ, какъ драматической актрисы, много говорятъ журналы, по увѣренію которыхъ она можетъ занять видное мѣсто на любой сценѣ; — не будемъ распространяться объ этихъ артисткахъ, скоро ихъ дебюты, и тогда сами увидимъ, на сколько справедливы отзывы объ нихъ нѣмецкихъ журналовъ.

Мы общались сообщить о дебютѣ актера королевскаго ганноверскаго театра, Линденъ Рековскаго, въ роли «Гамлета». Дебютъ заѣзжаго гостя въ этой роли не могъ не возбудить любопытства, во всѣхъ любителяхъ драматическаго искусства. Миръ идеальный, мечтательный, миръ метафизика не разлученъ съ германизмомъ и потому можно было ожидать, что нѣмецкій артистъ королевскаго ганноверскаго театра, не будетъ рядовымъ дебютантомъ въ роли «Гамлета»; нѣмецкіе критики прежде насъ начали разбирать гениальное произведеніе Шекспира и теперь еще продолжаютъ объяснять отвлеченный характеръ Гамлета. Притомъ же всякій актеръ всегда дебютируетъ въ лучшей роли своего репертуара и какъ же было не надѣяться на что-нибудь отъ дебюта г. Линдена Рековскаго. Но надежды были напрасны. Вмѣсто глубокаго пониманія роли, въ игрѣ дебютанта мы видѣли одну лишь декламацию, эффектированныя жесты и не замѣтили вдохновенія.

Грустный, задумчивый, саптиментальный Гамлетъ, то выпыхивающій ожесточеніемъ и негодованіемъ, то изнемогающій въ своей душевной слабости, то ненавидящій, то любящій, переданъ былъ игрою г. Линдена Раковскаго какимъ-то фактомъ, рсующимся въ постоянную раздражительность своего характера. Грусть, страданія, ярость не смѣнялись быстро въ душѣ Гамлета, и мы видѣли его только постоянно раздраженнымъ; ни его внутренней борьбы, ни подавленности духа, ни этой углубленности въ жизненные вопросы, которая составляетъ неотъемлемую черту характера Гамлета,

*) Г. Фабрика живетъ въ Большой Офицерской, д. Кузьякина.

не выразилъ исполнитель роли. Чтобы быть справедливымъ, мы можемъ указать на одно только мѣсто, гдѣ г. Линденъ. Рековскій былъ, хотя слабъ, но похожъ на Гамлета. это — въ сценѣ съ матерью. Роль Офеліи не подходитъ къ средствамъ и характеру дарованія г-жи Шенгофъ, тѣмъ не менѣе прекрасная эта артистка добросовѣстнымъ исполненіемъ заслужила одобреніе. Объ исполненіи другихъ ролей, позволимъ намъ умолчать.

Изъ Московскихъ Вѣдомостей мы узнали, что тамъ состоитъ г. Милославскій, исполнившій уже нѣкоторыя роли своего репертуара и, въ томъ числѣ, Гамлета. Ожидаемъ отъ корреспондента нашего свѣдѣній объ успѣхахъ г. на Милославскаго. Въ Москвѣ же поставленъ нашимъ талантливымъ танцоромъ г. Кшесинскимъ балетъ «Робертъ и Бертрамъ или два вора». Первое представленіе объявлено было въ прошедшій понедѣльникъ, а главную роль долженъ былъ исполнить г. Кшесинскій.

Мы получили сей часъ грустное извѣстіе о нашей соотечественницѣ, г-жѣ Зинѣ Ришардъ. Во время репетицій въ большой парижской оперѣ новаго на, которое она должна была исполнить съ г-мъ Мерапте въ оперѣ «Ромео и Юлія», она сильно ушибла ногу и больную должны были увезти домой. Опасность, какъ пишутъ, не велика, но г-жа Зипа не въ состояніи будетъ танцовать, можетъ быть, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Не за долго до этого, она съ большимъ успѣхомъ исполнила роль Елены въ «Робертѣ».

М. РАЦАПОРТЪ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Театръ въ Ригѣ. — Парижскія новости. — Ромео и Юлія трехъ композиторовъ. — Вествали. — Отъѣздъ Тальони. — Извѣстіе о Роже. — Верди и Россини. — Тальяфико. — Италіанская опера. — Свадьба одной пѣвицы. — Парижскіе театры. — Провождствіе. — Вѣсти изъ Лондона. — Мейерберъ и Веберъ. — Вѣсти изъ Германіи.

Съ наступленіемъ осени театральная дѣятельность замѣтно оживилась въ Ригѣ. Послѣ трехмѣсячнаго лѣтняго отдыха, директоръ рижскаго театра, г. Витте объявилъ, о допущеніи своей труппы новыми артистами, довольно извѣстными въ артистическомъ мірѣ. Открытіе послѣдовало 20 августа; давали три водевиля: «Die Braut aus Pommern», «Des Friseurs letztes Stündlein» и «die Zilberthaler». Писцы сами по себѣ старья, но возбудили вниманіе дебютами двухъ вновь ангажированныхъ артистовъ. Въ первой піесѣ роль Клементины занимала г-жа Гейстингеръ, прекрасная водеvilная актриса съ пріятнымъ голосомъ и непринужденной игрой. Эта артистка—самое удачное пріобрѣтеніе для рижской сцены, давно уже нуждавшейся въ хорошей ingénue, которыхъ вообще трудно найти на нѣмецкой сценѣ. Въ сценѣ парикмахера, гдѣ такъ превосходенъ Левассеръ, явился также новый дебютантъ Рихардъ и, не подражая Левассеру, выказалъ съ самой выгодной стороны свой комическій талантъ. Черезъ два дня послѣ того предсталъ на судъ публики третій дебютантъ на роли бонвивановъ, г. Циммерманъ. Игра его, также какъ игра г-жи Гейстингеръ, непринужденна и развязна и веселость его невольно сообщается зрителямъ; вообще всѣ три новые артиста прекрасное пріобрѣтеніе для рижскаго театра. Въ драмѣ г-жи Бирхъ-Пфейферъ: «Мать и сынъ», игранной на нашей нѣмецкой сценѣ, роль матери занимала также новая актриса г-жа Гаазе; роль эта выполнена съ

большимъ успѣхомъ; дебютантка обладаетъ величественнымъ манерами и ясной дикціей.

Вообще составъ труппы г. Витте значительно пополнился и улучшился, и обѣщаетъ много удовольствія рижскимъ театрамъ на пышную зиму.

Переходя къ Парижу, мы снова должны начать оперой Беллини: «Ромео и Юлія», такъ какъ о ней въ послѣднее время безпрестанно говорятъ въ Парижѣ. Сюжетъ этой оперы историческій и былъ уже обработанъ тремя композиторами Цингарелли, Вагкан и Беллини. Опера Цингарелли, представленная въ первый разъ въ 1809 г. была возобновлена въ 1816 г. для дебютовъ одной Жюльеты, тогда незамѣченной публикой и пріобрѣтшей въ послѣдствіи европейскую славу, — Джулитты Пасты.

Потомъ Паста всегда занимала роль Ромео до самаго конца своей артистической карьеры. Вагкан писалъ эту же оперу для Милана на либретто Романи, и въ послѣдствіи поставилъ на сцену въ Парижѣ, гдѣ Малибранъ создала роль Ромео съ неподражаемымъ совершенствомъ.

На тоже самое либретто Беллини написалъ музыку и отдалъ свое произведеніе въ 1833 г. на парижскую сцену, подъ названіемъ: «Монтекки и Капулетти», главные роли занимали Рубини и Гризи.

Въ 1849 г., во время управленія Ронкони Италіанскимъ театромъ, оперу Беллини соединили съ произведеніемъ Вагкани, многіе знатоки находили даже, что четвертый актъ оперы Вагкан, несравненно превосходитъ того же акта въ оперѣ Беллини и это-то *pasticcio*, возобновили для Персиани и Ангри, а нынче для г-жи Вествали. — Новая пѣвица, прибывшая изъ Америки, обладаетъ колоссальнымъ ростомъ, чрезвычайно обширнымъ голосомъ (контральто) и прекрасною паружностью. Она родилась, по словамъ однихъ газетъ, въ Венгріи, по словамъ другихъ въ Польшѣ, въ 1834 г. Г-жа Вествали происходитъ изъ благородной фамилии и получила прочное музыкальное образованіе. Она брала долгое время уроки въ Неаполѣ у Меркаданта и дебютировала въ первый разъ въ 1853 г. въ Миланѣ, на театрѣ *ла Скала*, въ роли Асучены въ Трубадурѣ и спѣла эту партію 32 раза во весь сезонъ. Изъ Милана г-жа Вествали отиравилась въ Америку и пѣла въ Нью-Йоркѣ вмѣстѣ съ Маріо и Гризи. Въ продолженіи двухъ лѣтъ она объѣхала всю Сѣверную Америку, была сама директрисой труппы и только въ прошедшемъ году возвратилась въ Европу. Лучшія роли г-жи Вествали Ромео и Арзасъ въ «Семирадѣ». Для роли Ромео братъ пѣвицы приготовилъ ей кольчугу изъ алюминія, стоящую 7,000 фр.

Тальони уѣхала на дняхъ въ Швейцарію провести нѣсколько дней въ своей великолѣпной виллѣ на берегу Комскаго озера. Въ началѣ сентября она возвратится въ Парижъ окончить балетъ для своей ученицы Эммы Ливри.

По послѣднимъ извѣстіямъ Роже совершенно выздоровѣлъ послѣ ужасной операціи, перенесенной имъ съ такимъ геройскимъ мужествомъ. Онъ уже выходитъ изъ компаніи вѣроятно скоро будетъ въ состояніи продолжать свою артистическую карьеру въ общей радости многочисленныхъ друзей знаменитаго тенора.

Верди уѣхалъ изъ Парижа на прошлой недѣлѣ. Несмотря на короткое пребываніе свое въ столицѣ Франціи, Бюссетскій лебедь посѣтилъ Незарскаго лебедя въ его виллѣ въ Пасси. Оба знаменитые маэстро дружески обнялись и долго

бесѣдовали о нынѣшнемъ положеніи Италіи въ отношеніи искусства и политики.

Нашъ старый знакомый Тальяfico возвратился изъ Лондона въ Парижъ, и намѣренъ провести здѣсь зиму. Многія филармоническія общества, прибавляетъ газета France Musicale, пригласили этого пѣвца участвовать въ ихъ концертахъ.

Италіанская опера Парижа приготовляетъ много новаго на нынѣшнюю зиму. Труппа ея пока составлена слѣдующимъ образомъ: примадоны сопрано—г-жи Пенко и Доттини; контральтъ Борги Мамо; компримарія г-жа Камбарди; баритоны—Бадіали и Граціани; тенора—Гардони, Луккези и др. Тамберликъ придетъ въ концѣ сезона.

Италіанская пѣвица Гвардуччи, прославившаяся въ Италіи и пѣвшая съ успѣхомъ въ Парижѣ вышла замужъ въ Дублинѣ за герцога Севелли. Рассказываютъ, что въ самый день свадьбы, молодая, связанная контрактомъ, должна была пѣть въ «Фавориткѣ». Однако семейство герцога пожелало, чтобы она сошла со сцены. Гвардуччи была очень хороша въ роли Розины въ «Barbier», но еще лучше въ роли цыганки въ «Трубадурѣ». Самъ Верди увѣрялъ, что онъ никогда еще не встрѣчалъ такой энергической и страстной Асучены.

Отъѣздъ князя Понятовскаго изъ Парижа не остановилъ репетицій его новой оперы «Петръ Медичи», которая будетъ дана послѣ перваго представленія «Ромео и Юлія».

Театры въ послѣднее время представляютъ мало новостей, Водевиль возобновилъ драму «Мачиха» (la Marâtre) Бальзака.

Въ Парижѣ предполагаютъ уничтожить два старинныхъ обычая, существовавшихъ съ незапамятныхъ временъ, а именно: даровые билеты (billets de faveur) и клакеровъ. Директоры Парижскихъ театровъ съ давнихъ поръ имѣли обыкновеніе собираться на обѣдъ каждый мѣсяцъ. На одномъ изъ такихъ обѣдовъ, между десертомъ и шампанскимъ, одинъ изъ директоровъ предложилъ уничтожить такъ называемые billets de faveur, мысль эту подхватили его товарищи и теперь это дѣло приняло серьезный оборотъ и возбудило большой шумъ въ журнальномъ мірѣ.

Неизвѣстно еще чѣмъ кончится этотъ вопросъ, встрѣтившій большія возраженія и препятствія со стороны журналистовъ, фельетонистовъ, а главное, со стороны предводителей клакеровъ.

Въ торжественный день 15-го августа назначены слѣдующія производства по ордену почетнаго Легіона:

Въ *коммандоры*, г. Сентъ-Бѣвъ, членъ французской академіи. — Въ *офицеры*, литераторъ Леонъ Гозланъ. Въ *кавалеры*, Альберикъ Second, Луи Фигье. Въ *офицеры*, Деппери, драматическій писатель. Въ *кавалеры*, гг. Анперъ, Деппель, Лафонъ, Корно, живописцы; Ламп, скульпторъ; Луи Буалье, драматическій авторъ. Въ *офицеры*: Амедей Рене, депутатъ законодательнаго корпуса, редакторъ газеты: constitutionnel. Въ *кавалеры*, Шиллеръ, редакторъ газеты: la Patrie; Эдмонъ Тексье, редакторъ газеты: Siècle.

Лѣтній сезонъ въ Лондонѣ, какъ мы уже писали, окончился. Для закрытія Ковентгарденскаго театра дана новая опера Мейербергера: «Le Pardon de Ploërmel», надѣлавшая столько шуму въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Мейерберъ уѣхалъ изъ Лондона ни съ кѣмъ не простясь къ великой досадѣ театральнымъ машинистамъ, приготовившихъ къ третьему представленію «Плоермеля» букетъ—монстръ, по тамошнему обычаю. Знаменитый маэстро передъ отъѣздомъ послалъ только каждому изъ артистовъ, участвовавшихъ въ его оперѣ, свои пор-

теты, гравированные Митчелемъ, съ автографомъ. Эта любезность очень понравилась артистамъ, но машинисты были забыты.

Говорятъ, что почтенный маэстро разсердился на нихъ за молнію, которую они не могли заставить блеснуть въ тактъ во второмъ актѣ. Рассказываютъ даже довольно забавный случай, происшедшій во время генеральной репетиціи.

Разъ, два, три! кричалъ маэстро; господа, это тактъ въ четыре четверти. Молнія должна блеснуть на четвертой четверти, въ одно время съ хроматической гаммой скрипокъ! а tempo! начнемъ снова!

На выручку машинистамъ подоспѣлъ капельмейстеръ Коста.

— Увѣряю васъ, maestro mio, сказалъ онъ, у молніи нѣтъ слуха. Въ природѣ она всегда является «ad libitum»!

На будущій годъ ангажированы въ Лондонъ пѣвцы: Миоланъ Карвалло, Гризи, Лотти, Чиллагъ, Пенко и Нантье-Дидье; и пѣвцы: Тамберликъ, Маріо, Гардони, Граціани, Ронкони, Тальяfico и др. Пенко ангажирована на самыхъ блестящихъ условіяхъ; эта пѣвица вмѣстѣ съ Нантье-Дидье была любимицей лондонской публики, хотя пѣла только въ трехъ роляхъ своего репертуара: въ «Травіатѣ», «Пуританахъ» и въ «Донъ-Жуанѣ» (роль Церлины). Граціозная Нантье-Дидье, которая гдѣ бы ни пѣла, сейчасъ становится «enfant gâtée» публики, будетъ пѣть роль Фидесъ въ «Пророкѣ», котораго возобновятъ нарочно для этой пѣвицы съ великолѣпной постановкой.

Носятся также слухи, что Верди пишетъ оперу нарочно для Ковентгарденскаго театра.

Дририленскій театръ отданъ вънаймы англійской труппѣ подѣ управленіемъ миссъ Пайнъ и пѣвца Гаррисона. Англійскіе пѣвцы намѣрены исполнить нынѣшней зимой новую оперу Мейербергера на языкѣ Шекспира.

Жизнь въ Баденѣ кипитъ по прежнему разнообразіемъ и дѣятельностью. Скачки, концерты, балы, драматическія представленія быстро смѣняются одни за другими. Готовятъ еще новую комическую оперу Луи Буланже, комедію Вильмо и піесу съ французскаго театра, въ которой будутъ играть Брессанъ, Ренье, m-lle Фиксъ и др. Изъ концертистовъ имѣетъ большой успѣхъ піанистъ Кеттереръ; онъ возбуждаетъ особенный восторгъ русскимъ романсомъ Книгини Кочубей: «Скажите ей».

Важнымъ событіемъ въ Лондонѣ было прощаніе знаменитаго англійскаго трагика Карла Кинна съ лондонскими театрами. Кинъ достойный преемникъ знаменитаго актера того же имени, девять лѣтъ сряду управлялъ театромъ «Принцессы» и вмѣстѣ былъ первымъ его актеромъ. Глубоко почитая геній Шекспира, Кинъ, можно сказать, воскресилъ всѣ лучшія произведенія англійскаго писателя, создавъ главные роли въ трагедіяхъ Шекспира. Кинъ простился съ публикой въ трагедіи: «Генрихъ VIII»; онъ отправляется давать представленія въ провинціи и съ отъѣздомъ его театръ Принцессы закроется на долго.

Въ Брадфордѣ готовится музыкальное празднество, на которомъ, между прочими піесами, будутъ исполнены отрывки изъ разныхъ оперъ Вебера. Кстати о Веберѣ. Когда знаменитый композиторъ ставилъ своего «Оберона» на лондонскую сцену, онъ обратился однажды на репетиціи къ одному пѣвцу съ слѣдующими словами:—«Мнѣ очень жаль, что вы такъ много стараетесь.»—Не безпокойтесь, отвѣчалъ пѣвецъ, при-

нравъ слова Вебера за комплиментъ, я пою очень охотно.— «Но я-то не очень охотно слушаю, когда вы стараетесь пѣть ноты, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ партитурѣ.»

Изъ новыхъ пѣсень, данныхъ въ послѣднее время въ Парижѣ, стоитъ сказать нѣсколько словъ о комедіи Серре: «Un Agne de charité», данной на театрѣ Gymnase Dramatique и водевилѣ Клервиля и Лопеза: «Paris hors Paris», на театрѣ Variétés. Первая комедія въ стихахъ содержаніемъ своимъ напоминаетъ драму Октава Фелье: «Le Roman d'un jeune homme pauvre». Тоже молодой человѣкъ въ крайней бѣдности является къ одной знатной дамѣ, подругѣ своей сестры, проситъ ея покровительства. Красавица вдовушка дѣлаетъ его гувернеромъ своего маленькаго сына, послѣ многихъ недоразумѣній, страданій, размолвокъ, безъ которыхъ не было бы трехъ актовъ, вдовушка отдаетъ бѣдному молодому человѣку свою руку и 20,000 ливровъ годоваго дохода.

Комедія г. Серре—романъ довольно банальный, который понравится сантиментальнымъ дѣвицамъ или почтеннымъ буржуа; г. Серре хорошо владѣетъ стихомъ, но его стилу не достаеъ силы и рельефности.

Вторая пѣса: «Парижъ за городомъ», прекрасная сатира на страсть небогатыхъ людей къ дачамъ, выводитъ ихъ похождения за городомъ. Водевиль очень смѣшонъ и смотрится съ удовольствіемъ.

Одинъ парижскій нотаріусъ открылъ недавно въ старыхъ бумагахъ своего предшественника любопытный актъ отъ 1670 г., по которому королевскіе актеры назначаютъ одному своему товарищу Луи Бежару ежегодную пенсію въ 1000 ливровъ. Актъ этотъ написанъ на пергаментѣ и должно быть не тронутъ съ самаго своего составленія, потому что еще видѣнъ золотой песокъ, которымъ засыпаны подписи. Но всего любопытнѣе подписи на этомъ актѣ: Жана-Шокелена Мольера, его жены Арманды Бежаръ, Маделены Бежаръ и др.

На дняхъ продавался съ акціона патентъ маршала Франціи съ печатью Людовика XIV, за подписью знаменитѣйшихъ людей XVIII вѣка какъ-то: Боссюэта, Фенелона, Расина, Мольера, Корнеля и др.

Въ Саксенъ-Кобургѣ осенній сезонъ откроется новой оперой Флотова: «Меранскій мельникъ». Французскій переводъ либретто порученъ Густаву Оппельту, переведшему также либретто «Страделлы».

Въ Вѣнѣ представлена въ первый разъ опера: «Lohengrin» съ большимъ успѣхомъ. Главную роль исполняла пѣвица Чиллагъ.

Въ 110-й день рожденія Гете, на Вѣнскомъ театрѣ данъ «Торквато Тассо».

Въ церкви св. Августина, въ прошедшее воскресенье, исполнена месса Гайдна; соло пѣла наша старая знакомая г-жа Типензе. Эта пѣвица приглашена участвовать въ концертахъ голландскаго музыкальнаго общества: «Felix Meritis».

Для празднованія столѣтняго дня рожденія Шиллера, въ Лейпцигѣ составлена слѣдующая программа, раздѣленная на три дня. Въ первый день представлена будетъ драма Теодора Апеля, сюжетомъ къ которой послужилъ эпизодъ изъ жизни Шиллера; на второй день дана будетъ одна изъ трагедій Шиллера; на третій, въ Голицѣ, музыкально-декламационный вечеръ и торжественный обѣдъ.

Ни въ одномъ городѣ Германіи нельзя встрѣтить въ театрѣ такой хлопотливой и задорной публики, какъ въ Гамбургѣ.

Въ одинъ вечеръ на большомъ театрѣ шло представленіе

Роберта. Во второмъ актѣ, въ балетѣ, должна была танцовать молодая италіанка m-lle Казалли; это былъ ея первый дебютъ въ Гамбургѣ. Когда танцовщица появилась на сценѣ, одинъ изъ хорпестовъ, вооруженный съ ногъ до головы, спокойно прицѣпилъ свое копье къ кулисъ, вынулъ изъ кармана зеленые очки, вытеръ ихъ бѣлымъ платкомъ, надѣлъ на носъ и, подбоченивъ сталъ смотрѣть на танцующуюся Казалли.

Этотъ поступокъ въ другой странѣ прошелъ бы незамѣченнымъ, но гамбургскій партеръ началъ тотчасъ же изъ всей силы свистать и топтать ногами; шумъ такъ увеличился, что молодая артистка смѣшалась и удалилась въ глубину сцены. Спектакль остановился и такъ какъ шумъ не прекращался, на авансценѣ явился полицейскій комиссаръ и просилъ публику замолчать. Но такъ какъ это увѣщаніе осталось безъ всякаго результата, то магистръ города принужденъ былъ арестовать самыхъ беспокойныхъ. Двадцать человѣкъ были выведены изъ залы и посажены въ тюрьму; тогда только спектакль могъ продолжаться.

Вѣроятно читатели наши не имѣютъ никакого понятія о піанистѣ Заарѣ, а между тѣмъ этотъ піанистъ выкинулъ такую штуку, которая придется по плечу не всякому виртуозу. Онъ давалъ прощальный концертъ въ городѣ Плауниѣ, и долженъ былъ играть, между прочимъ, концертъ Мендельсона G-moll, но сыгралъ его не въ G-moll, а въ As-moll, потому что не попробовалъ фортепіано, поставленнаго передъ началомъ концерта и настроеннаго полутономъ ниже оркестра. Переговоривъ минуту съ оркестромъ, который долженъ былъ играть въ G, г. Зааръ исполнилъ весь концертъ съ необыкновенною точностью до конца.

Воспоминанія музыканта.

(Адольфа Адама).

Армида — Люлли.

(Окончаніе.)

Три дня спустя, въ Версали разучивали новое произведеніе Люлли. Конти долженъ былъ танцовать одно на съ герцогиней Бурбонской, мадемоазель де Блуа съ танцоромъ Пекуромъ, а танцоръ Фабье съ маркизой де Муи. Пѣніе стояло на второмъ планѣ въ этомъ произведеніи, но авторы ловко умѣли вставить нѣсколько эффектныхъ арій для дѣвицъ Обри и Вердые и для знаменитыхъ пѣвцовъ того времени Бомавьели и Ренье. —

Въ день представленія, Люлли самъ наблюдавшій за всѣми подробностями, былъ очень доволенъ собой, полагая, что все въ порядкѣ, какъ вдругъ передъ самымъ началомъ ему указываютъ на одну декорацию, украшенную эмблемой, которую надобно было тотчасъ же уничтожить, потому что она могла показаться дурнымъ предзнаменованіемъ королю. Понятно, что для оперы, импровизированной въ восемь дней, нѣтъ времени готовить новыхъ декораций; поэтому выбрали, что было поновѣе и не такъ извѣстно. Для храма мира взяли храмъ мудрости, давно уже неупотребляемый; къ несчастію на фронтонѣ этаго храма красовалась любимая птица Минервы—огромная сова. Надобно было, во что бы то ни стало, уничтожить зловѣщую птицу и замѣнить ее солнцемъ, эмблемой Людовика XIV. Но гдѣ найти живописца, когда все готово, декорации разставлены и король уже сидѣлъ въ

своей ложѣ, находя что спектакль слишкомъ долго не начинается. Бѣдный Люлли рвалъ на себѣ волосы и бѣгалъ по всему театру съ громкимъ крикомъ, требуя живописца, декоратора, машиниста. Но никто не являлся кромѣ дежурнаго офицера, повторившаго уже два раза: «г. Люлли, король ждетъ!» Наконецъ нашли живописца, тотчасъ же принявшагося за работу; едва онъ началъ снимать сову, какъ дежурный офицеръ снова явился.

— Г. Люлли, я уже имѣлъ честь уведомить васъ, что король ждетъ!

— Э, отвѣчалъ Люлли, что же мнѣ-то дѣлать? Вѣдь онъ король, такъ никто не можетъ ему запретить ждать сколько угодно.

Всѣ засмѣялись дерзкому отвѣту. Но къ несчастію для Люлли его выходка имѣла слишкомъ большой успѣхъ; ее такъ много повторили, что она дошла до короля. Монархъ не могъ благосклонно принять шутку своего музыканта; несмотря на то, что представленіе имѣло успѣхъ, король не сказалъ ни одного одобрительнаго слова Люлли, а на другой день рѣшено было поставить на сцену оперу Лаланда.

Бѣдный Люлли, повѣся носъ, возвратился въ Парижъ. Восемь дней старался онъ изо-всѣхъ силъ заслужить милость короля, хотя вовсе не терялъ ее, и всѣ его старанія повели только къ размовкѣ съ королемъ, который всегда такъ къ нему благоволилъ. Вѣтеръ слишкомъ часто перемѣняетъ свое направленіе въ этой странѣ, думалъ онъ, я не могу привыкнуть къ ея климату. Да здравствуютъ мои добрые парижскіе буржуа! Для нихъ однихъ я буду теперь трудиться: порадою ихъ моей чудесной *Армидой* и вѣрно они не станутъ мнѣ меньше аплодировать за то, что какой-нибудь антрактъ будетъ не много длиннѣе.

На другой же день Люлли принялся за оперу и въ первый разъ, быть можетъ, работалъ съ такимъ вдохновеніемъ. Знаменитый монологъ *Enfin il est en ma puissance*, который въ продолженіи цѣлаго столѣтія считался образцомъ музыкальной декламации, дуэтъ: *Aimons nous*, знаменитый дуэтъ «Не-нависти», который самъ Глюкъ такъ цѣнилъ, что передѣлывалъ 90 лѣтъ спустя музыку *Армиды*, включилъ этотъ дуэтъ въ свою оперу, измѣнивъ немного его устарѣлыя формы, «Сонъ Рено» и многіе другіе нумера, должны были доставить новой оперѣ огромный успѣхъ, превосходящій успѣхъ всѣхъ его прежнихъ произведеній. Кино съ своей стороны также отличился; однимъ словомъ спектакль готовился великолѣпный; костюмы, декорации, все было тщательно придумано... Люлли могъ утѣшиться въ своихъ неудачахъ при дворѣ рукоплесканіями горожанъ.

Въ день генеральной репетиціи за долго до назначеннаго часа, Люлли былъ уже въ своемъ театрѣ, за всѣмъ присматривая, все наблюдая; какъ директоръ и владѣлецъ Опернаго Театра, онъ долженъ былъ входить въ малѣйшія мелочи, чтобъ упрочить успѣхъ своихъ представлений. Кино, получившій назначенную сумму за свои либретто, очень мало заботился о будущей участи своихъ оперъ и рѣдко приходилъ на репетиціи, но Люлли не пропускалъ ни одной. Онъ самъ образовалъ этотъ театръ, всѣ актеры были его учениками, онъ руководилъ ихъ не только въ искусствѣ пѣнія, но училъ походкѣ и жестамъ; даже танцеры получали отъ него отличные совѣты, разучивая на, для которыхъ онъ писалъ музыку; всѣ музыканты оркестра также у него учились. До Люлли не было во Франціи ни одного оркестра и ни одного инструментиста. Люлли первый ввелъ въ употребленіе и со-

единилъ со скрипками флейты, гобои, басы, и даже барабаны и трубы. Благодаря Люлли, французскіе скрипачи сдѣлались первыми въ Европѣ и достаточно было назвать: Ламуэта, Коласа, Вердые, Батиста, Жубера, Марсаса, Ребеля, Лаланда, его лучшихъ учениковъ, чтобъ доказать, что Люлли не только ученый композиторъ, но и искусный профессоръ.

За то ни одинъ музыкантъ оркестра не смѣлъ роптать, какъ бы грубо и жестоко не обращался съ нимъ Люлли.

Къ тому же гнѣвъ Люлли не долго продолжался. Слухъ его былъ до того тонокъ, что съ противоположнаго конца театра онъ различалъ, съ какой стороны оркестра слышалась фальшивая нота; тогда Люлли приходилъ въ ужасное бѣшенство, бросался на несчастнаго музыканта, вырывалъ у него скрипку и часто разбивалъ ее объ голову виноватаго; но по окончаніи репетиціи, Люлли тотчасъ же раскаявался въ своей вспыльчивости, онъ забывалъ свою ярость и вину подчиненнаго, просилъ у него прощенія, платилъ за сломанный инструментъ и уводилъ съ собой обѣдать. За то музыканты боготворили Люлли и удивлялись его таланту.

Обыкновенно на генеральную репетицію никто не допускался, за исключеніемъ нѣкоторыхъ придворныхъ, которымъ нельзя было отказать въ этомъ. Но на этотъ разъ никто не явился; король отвернулся отъ музыканта, а потому ни одинъ придворный не хотѣлъ слушать его музыки.

— Тѣмъ лучше, сказалъ Люлли, наши дѣла пойдутъ еще лучше въ ихъ отсутствіи.

Однако посреди репетиціи пришли сказать Люлли, что кто-то, не открывающій своего имени, желаетъ съ нимъ говорить.

— Мнѣ некогда, отвѣчалъ музыкантъ, впрочемъ пускай скажетъ свое имя и тогда мы увидимъ.

Черезъ минуту ему принесли маленькій лоскутокъ чрезвычайно грязной и жирной бумаги, на которомъ были написаны два слова «Старый другъ».

— Скажите незнакомцу, что въ день генеральной репетиціи у меня нѣтъ друзей.

Онъ скоро забылъ этотъ случай. На другой день, назначенный для перваго представленія, когда Люлли выходилъ на сцену, ему подали записку точно такую же жирную и грязную какъ вчерашняя, заключающую въ себѣ слѣдующее: «Ты не хотѣлъ вчера со мной видѣться; я буду ждать тебя вечеромъ, когда кончится твоя опера;» записка испещренная орфографическими ошибками не была подписана. Но безграмотности этого посланія Люлли заключилъ сперва, что она писана какимъ-нибудь придворнымъ, но скомканная и дурно сложенная бумага противорѣчила этой мысли; онъ бросилъ записку на полъ и забылъ объ пей.

Зала начинала наполняться, но оставалось еще много пустыхъ мѣстъ, обыкновенно занимаемыхъ придворными. Добрые буржуа стекались отсюда и занимали всѣ высшія и нисшія мѣста; но поздно пришедшіе зрители возвращались назадъ, когда имъ говорили у дверей, что свободныя мѣста остались только на сценѣ и въ первыхъ ложахъ; ни одинъ изъ этихъ мирныхъ гражданъ не рѣшался показаться на мѣстахъ, занимаемыхъ обыкновенно значительными лицами.

Сначала публика удивилась отсутствію придворныхъ особъ. Люлли, какъ всякій талантливый человѣкъ, имѣлъ много враговъ; скоро однако распространился слухъ, что композиторъ въ совершенной немилости, что король не позволилъ ему показываться на глаза и запретилъ придворнымъ посѣщать его театръ.

Многіе зрители стали жалѣть, что пришли въ театр, считая для себя цѣловѣкомъ остаться, нѣкоторые мнительные буржуа попробовали даже выйти изъ театральной залы, но такъ какъ имъ отказались возвратить деньги, то они рѣшились лучше рискнуть своею безопасностью, чѣмъ потерять 40 су. Въ присутствіи такимъ-образомъ расположенной публики, должна была исполниться великолѣпная *Армида*.

Прологъ, наполненный, разумѣется, хвалами Людовику XIV былъ принятъ какъ нельзя лучше. Мелодическій хоръ:

Dès qu' on le voit paraître

De quel coeur n' est-il pas le maître?

встрѣтили единодушными рукоплесканіями; тутъ можно было не подвергаясь непріятностямъ аплодировать словамъ, отдавая между-тѣмъ преимущество прелестной музыкѣ. Но по окончаніи пролога аплодисменты стали рѣже. Знаменитая Лерошюа, занимавшая роль Армиды, была мала ростомъ, смугла и некрасива. Она явилась въ первомъ актѣ между двумя актрисами, занимавшими роли ея наперсницъ; то были дѣвицы Маро и Дематенъ, первыя красавицы театра Люлли, отличавшіяся высокимъ, стройнымъ ростомъ. Но едва Лерошюа подняла величественно руку и заплѣла:

Je ne triomphe pas du plus vaillant de tous,

L' indomptable Renaud échappe à mon courroux;

Обѣ ея прекрасныя наперсницы совершенно затмѣлись; не редъ глазами зрителей была одна Армида, неподражаема въ своей игрѣ.

Въ эту минуту, какъ Армида въ пылу страсти хотѣла вонзить кинжалъ въ грудь Рене, зрители въ ужасѣ сидѣли неподвижно; казалось вся душа ихъ перешла въ слухъ и зрѣніе и только, по окончаніи этой потрясающей сцены, добрые буржуа вздохнули свободнѣе. Послышался шопотъ удивленія и восторга, но никто не смѣлъ начать первый аплодировать и опера окончилась при общемъ молчаніи.

Люлли былъ въ отчаяніи. «Неужели я ошибся? думалъ онъ. Мой гений угасъ? Неужели я не могу болѣе увлекать публику своей музыкой? Нѣтъ, тайный голосъ говоритъ мнѣ, что моя «Армида» хороша; да, лучше другихъ моихъ оперъ». Размышляя такимъ образомъ онъ тихо спускался съ театральной лѣстницы, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то дергаетъ его за рукавъ. Люлли обернулся, передъ нимъ стоялъ какой-то бѣдно одѣтый челоуѣкъ, котораго онъ принялъ сначала за нищаго.

— Оставь меня въ покоѣ, сказалъ съ досадою музыкантъ, у меня нѣтъ съ собой денегъ.

— Батистъ, отвѣчалъ незнакомецъ, я писалъ тебѣ, что увижусь съ тобой по окончаніи твоей оперы. Остановись-ка на минутку, неужели ты меня не узнаешь?

Люлли сталъ припоминать, но никакъ не могъ вспомнить.

— Правда, мы уже не видались 40 лѣтъ, продолжалъ незнакомецъ, я самъ бы тебя ни за что не узналъ, еслибъ не слыхалъ твоего имени; а вѣдь мы были большіе друзья когда-то; помнишь Петти-Пьеръ?

— Петти-Пьеръ, вскричалъ Люлли, какъ, ты Петти-Пьеръ?... Но нѣтъ, мой Пьеръ вѣрно давно умеръ, а то бы далъ знать о себѣ. Нѣтъ, любезный, ты меня обманываешь, ты не Петти-Пьеръ.

— Ты не вѣришь? А помнишь наше послѣднее свиданіе въ 1647 г., меня высклѣли и выгнали по твоей милости, ты не могъ этого забыть?

— О! теперь помню, помню, и узнаю тебя. Пойдемъ со мной, мы побѣседуемъ, расскажемъ другъ другу все, что съ

нами случилось со времени нашей разлуки; вспомнимъ то славное время, когда намъ обоимъ было 15 лѣтъ; пойдѣмъ мой, бѣдный Пьеръ. И Люлли взялъ подъ руку своего друга; трудно было повѣрить, что этотъ бѣднякъ такъ друженъ съ знаменитымъ музыкантомъ. Люлли забылъ о слабомъ успѣхѣ своей оперы; тысяча воспоминаній тѣснились въ его умѣ; онъ заперся съ своимъ другомъ и не хотѣлъ никого принимать.

— Пьеръ, сказалъ онъ, поговоримъ-ка о прошлѣмъ; то-то было славное время!...

— Какъ? спросилъ Петти-Пьеръ, при твоёмъ богатствѣ, извѣстности и всѣхъ удобствахъ жизни, ты жалѣешь о томъ времени, когда мы снимали нѣту съ супа на кухнѣ мадемоазель де Монпансье?

— Разумѣется, отвѣчалъ Люлли, тогда мнѣ было 15 лѣтъ, а теперь уже 53 года. Герцогъ де Гизъ привезъ меня на десятомъ году изъ Флоренціи въ Парижъ и подарилъ, какъ игрушку, мадемоазель де Монпансье. Я былъ довольно миленькій мальчикъ, едва зналъ нѣсколько словъ по французски и мой ломаный языкъ очень забавлялъ мою благородную госпожу; но черезъ полгода я выучился хорошо говорить по французски, какъ всѣ дѣти моего возраста; оригинальность моя пропала, я сдѣлался обыкновеннымъ ребенкомъ и скоро надоѣлъ. Чтoby избавиться отъ незанимающей болѣе игрушки, меня сослали на кухню, гдѣ мы съ тобой познакомились. Помнишь какія продѣлки мы затѣвали съ вашимъ главнымъ поваромъ и даже съ метрдотелемъ? Помнишь какъ потихоньку пили вино?

— Еще бы, отвѣчалъ Пьеръ, вѣдь мы украли вдвоемъ шесть бутылокъ и я ихъ продалъ, чтoby на вырученные деньги купить тебѣ скрипку.

— Какъ же, продолжалъ Люлли, эта скрипка была началомъ моего счастья. Помнишь, какъ бывало, я игралъ на этомъ инструментѣ и всякій разъ вспоминалъ дѣлаго сапожника, который мнѣ далъ первые уроки музыки и выучилъ меня также играть немного на гитарѣ.

— Послѣдній день, когда мы съ тобой видѣлись, продолжалъ Пьеръ, насъ заставили присматривать за жаркимъ процессы. Тебѣ надоѣло цѣлые полчаса ворочать вертелъ, ты пошелъ за скрипкой и сталъ играть; я слушалъ тебя съ восторгомъ, какъ вдругъ подошелъ къ намъ какой-то знатный господинъ, давно уже стоявшій за нами, онъ увелъ тебя съ собой и съ тѣхъ поръ я тебя болѣе не видалъ. Но пока я развѣсилъ уши, удивляясь твоей игрѣ, жаркое подгорѣло и нашъ главный поваръ, возвратясь въ кухню, высклѣ меня за оплошность и въ тотъ же день выгналъ.

— Вельможа, который увелъ меня, отвѣчалъ Люлли, былъ графъ де Пожанъ, онъ услышалъ изъ комнатъ принцессы мою скрипку и привлеченный ея звуками, сошелъ къ намъ въ кухню; графъ привелъ меня къ принцессѣ, которая очень удивилась моему таланту. Мнѣ дали учителя, я сдѣлалъ быстрые успѣхи и въ свою очередь сдѣлался учителемъ.

Мнѣ едва минуло 19 лѣтъ, когда я въ первый разъ игралъ передъ королемъ; я поправилъ нашему монарху и онъ удержалъ меня при дворѣ; король велѣлъ устроить новый оркестръ скрипокъ и поручилъ мнѣ руководить имъ; однимъ словомъ счастье мнѣ повезло, а талантъ помогъ прославиться. А ты, любезный Пьеръ, что съ тобой было?

— Я напаялся къ одному англійскому лорду, который возвращался на свою родину; я былъ не болѣе какъ поваренокъ, разсыльный мальчишка, какъ насъ называли во Фран-

цин, по въ Англіи прослѣлъ за очень недурнаго повара. Я всюду сопровождал моего господина, даже въ Италію; онъ умеръ во Флоренціи оставивъ мнѣ 800 ливровъ. Передомной часто произносили имя Люлли, но я едва могъ повѣрить, что это мой бѣдный Батистъ. Вчера, принимаясь писать къ тебѣ, я не смѣлъ подписать своего имени, и боялся, что ты не захочешь меня принять.

— О! ты душно обо мнѣ думалъ, ты всегда былъ и останешься моимъ лучшимъ другомъ. Кстати, вѣдь ты возвратился изъ Италіи и вѣрно много наслушался тамошней музыки. Ты будешь судьей моей оперы, я для тебя одного велю представить мою «Армиду», мы вмѣстѣ ее прослушаемъ и ты мнѣ скажешь свое мнѣніе. Но, въ свою очередь, ты долженъ мнѣ изготавить какое-нибудь блюдо.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Пети-Пьеръ, я угощу тебя макаронами, равиоли, полентой, всѣмъ чѣмъ хочешь.

— Итакъ до завтра, сказалъ Люлли, провожая его; мы пообѣдаемъ вмѣстѣ въ тавернѣ Золотого Круга, потомъ пойдемъ слушать «Армиду» и возвратимся сюда ѣсть ужинъ, который сами изготавимъ.

На другой день всѣмъ актерамъ оперы объявлено, чтобъ явились на представленіе, на которое публика не будетъ допускаться. Люлли представилъ своимъ артистамъ Пети-Пьера, назвавъ его итальянскимъ вельможей и большимъ любителемъ музыки; всѣ артисты преклонились передъ поваромъ; потомъ Люлли съ своимъ другомъ расположились посреди партера и опера началась. Пети-Пьеръ казался въ восторгѣ отъ музыки своего Батиста и Люлли, съ радости, что талантъ его оцѣненъ старымъ товарищемъ, сталъ самъ восхищаться своимъ произведеніемъ. «Браво, браво, Люлли, кричалъ онъ, по окончаніи каждаго нумера пѣнія, ты никогда еще не придумывалъ ничего прекраснѣе, ты великій человекъ!» — Актеры играли добросовѣстно; музыкантъ сыпалъ ихъ похвалами; это былъ родъ семейнаго праздника и Люлли вышелъ изъ театра, въ восторгѣ, что оцѣнилъ себя, какъ слѣдуетъ, радуясь какъ будто весь дворъ ему рукоплескалъ.

Возвратясь домой, Люлли заперся въ свою комнату съ Пети-Пьеромъ, принявшимъ за кухонную посуду.

— Я теперь сдѣлался отличнымъ поваромъ, сказалъ Пьеръ, и изучилъ до основанія французскую и итальянскую кухню.

— Дай себя за то обнять, вскричалъ Люлли; вообрази, ни одинъ изъ этихъ проклятыхъ парижскихъ отравителей не умѣетъ приготовить порядочныхъ макаронъ.

Композиторъ принялся помогать повару въ его кулинарномъ искусствѣ; потомъ друзья сѣли за столъ и такъ усердно пировали, что черезъ часъ совершенно опьянѣли. Оба друга плакали отъ умиленья и обнимались съ удивительною нѣжностью, расточая наперерывъ похвалы.

— Какая чудная музыка, кричалъ Пети-Пьеръ.

— Какія отличныя макароны, отвѣчалъ Люлли.

— Какъ это было прекрасно, повторилъ Пети-Пьеръ.

— Какъ это было вкусно, продолжалъ Люлли.

— Г. де Люлли, вы великій музыкантъ!

— Г. де Пети-Пьеръ, вы превосходный поваръ!

— Мы оба великіе люди!

— Безъ сомнѣнія, и созданы, чтобъ цѣнить другъ друга.

— И пить за взаимное здоровье.

И попойка снова началась; это пріятное препровожденіе времени до того занимало обоихъ друзей, что они не слышали какъ уже около пяти минутъ, кто-то сильно стучался въ дверь. Однако Пети-Пьеръ услышалъ первый и сказалъ:

— Кажется стучать. Отворить, или нѣтъ?

— Зачѣмъ, отвѣчалъ Люлли, пусть ихъ стучать, пока не выломаютъ дверь.

— Въ самомъ дѣлѣ, не стоитъ беспокоиться, пусть ихъ стучать.

Пьяницы не ошиблись; дверь скоро уступила усиліямъ ломившихся и нѣсколько молодыхъ вельможъ вбѣжало въ комнату, шагая черезъ бутылки, блюда и кострюли, валявшіяся на полу.

— Что это значить? сказалъ одинъ изъ придворныхъ, обращаясь къ Люлли, ты не можешь отворить намъ, а мы тебѣ принесли добрыя вѣсти.

— Мнѣ не нужно никакихъ добрыхъ вѣстей, съ тѣхъ поръ, какъ я нашелъ своего друга Пети-Пьера.

— Что это за Пети-Пьеръ?

— Итальянскій вельможа, отлично приготавляющій макароны; онъ будетъ мнѣ преподавать поварское искусство, отвѣчалъ Люлли.

— Съ условіемъ, что ты меня выучишь музыкѣ, прервалъ его Пети-Пьеръ.

— Ты правъ, возразилъ Люлли, я тебя сдѣлаю композиторомъ; а ты меня поваромъ.

Новоприбывшіе скоро замѣтили, что хозяинъ дома былъ сильно пьянъ; одинъ изъ нихъ, думая отрезвить его, шепнулъ музыканту на ухо:

— Мы пришли отъ имени короля.

— А мнѣ что за дѣло до короля? возразилъ Люлли, вѣдь онъ не понимаетъ музыки! Не то, что мой другъ Пети-Пьеръ, онъ не пойдетъ слушать оперу какого-нибудь Лаланда.

— Вы ошибаетесь, г. Люлли, сказалъ другой придворный, подходя къ композитору, король отлично понимаетъ музыку и послалъ насъ передать свои похвалы вашей «Армидѣ». Король слышалъ о небольшомъ успѣхѣ оперы, узналъ также, что вы велѣли дать ее для себя одного и аплодировали съ восторгомъ своему произведенію. Его величество знаетъ, что вы отличный знатокъ музыки и, полагаясь на ваше сужденіе, хочетъ какъ можно скорѣе услышать «Армиду»; вотъ что король поручилъ сказать вамъ.

— Да здравствуетъ король! вскричалъ Люлли. Простите, монсеньеры, что я слишкомъ дерзко выразился о такомъ великомъ королѣ, о такомъ просвѣщенномъ монархѣ; это оттого, что бездѣльникъ Пети-Пьеръ напоилъ меня; я непременно долженъ отъ него избавиться: не нужно ли кому изъ васъ отличнаго повара?

— Я беру его по твоей рекомендаціи Люлли, сказалъ одинъ придворный; я, также какъ король, полагаюсь на твоё сужденіе, зная что ты такой же отличный знатокъ въ кулинарномъ искусствѣ, какъ и въ музыкѣ. Но ты не будешь болѣе пьянствовать съ нимъ?

— Никогда, клянусь вамъ, отвѣчалъ Люлли.

Потомъ прибавилъ на ухо Пети-Пьеру:

— Когда тебѣ вздумается, мы опять вспомнимъ старину, только у тебя на квартирѣ: тамъ никто намъ, по крайней мѣрѣ, не помѣшаетъ.

Второе представленіе «Армиды» имѣло необыкновенный успѣхъ; ни одно музыкальное произведеніе не возбуждало такъ долго восторга; «Армиду» давали въ продолженіи восьмидесяти лѣтъ съ одинаковымъ успѣхомъ; но наконецъ явился Глюкъ, произвелъ музыкальную революцію и образцовое произведеніе Люлли было совершенно забыто. Несмотря на неоспоримыя достоинства музыки, «Армида» Глюка не часто исполняется въ музыкальномъ мірѣ.

Сохранится ли она въ репертуарѣ также долго, какъ опера Люлли? Это мы узнаемъ черезъ тридцать лѣтъ.

ОПЕЧАТКН: въ № 34 стр. 321, 1 столб. стр. 26 вѣсто Россіи—Рассіи; таже стр. 14 стр. снизу Эмль. Оже—Эмль-Оже; таже стр. 2 столб. 17 стр. снизу Джизіельми—Джузіельми; таже стр. 2 столб. 16 стр. снизу въ Гамбургѣ—Гонбургѣ; стр. 322, стр. 30 снизу Брессономъ—Брессаномъ.